

Евгений Немец Корень Мандрагоры

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182094
Евгений Немец «Корень мандрагоры»: Астрель, Литпром; Москва; 2009
ISBN 978-5-903873-04-3, 978-5-271-22219-1

Аннотация

В чем суть существования человечества? Герои романа строят и претворяют в жизнь свою теорию эволюции разума. Она вбирает все: от древнего шаманизма до современных информационных технологий. Их цель – создать нового человека. Только единицы способны отважиться на подобный эксперимент...

Содержание

Пролог	4
Замочная скважина	5
Гвоздь	7
Информационное поле	9
Червоточины в яблоке этики	16
Монах ордена эзотерики	23
Psychetropos	26
Атараксия	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Немец

Корень мандрагоры

Я – Бог, я равен Богу одиночеством, равен тщеславию, равен отчаяньем из-за того, что сам не являюсь, как другие, моим созданием.

Все живут в моем свете, а сам я живу в непереносимом сверкании моих сумерек.

У. Эко, «Маятник Фуко»

Пролог

Я лежал посреди долины предгорья и смотрел на Казыгурт, эту жемчужину Небесных Гор, точнее, их западного хребта с гроыхающим названием Каратау. Тянь-шаньское небо было просторным, его границы, казалось, достигали Луны, и только вокруг Казыгурта клубился туман. Гора выжимала атмосферу, доила ее и наматывала на свою вершину густой молочный пар. Эта красота могла раздавить. Но я все равно смотрел, впитывал, насыщался, потому что уже через час, а может, через секунду мое существование могло прекратиться. Я хотел забрать эту красоту с собой, забрать в тот, другой мир.

Я пытался вспомнить, как и почему все началось. Мне казалось, это важно понять, хотя я и не знал, зачем. Клубящийся вокруг вершины Казыгурта туман отсылал мою память в прошлое, где-то там были ориентиры, зацепки. А по моим венам, артериям, капиллярам кровь разносила средневековую магию, и я отдавал себе отчет, что все это может закончиться плохо. Смерть была одним из вариантов развития событий, вернее, их завершением. Смерть была вполне возможна. Сердце, спятившее от обилия чужеродных алкалоидов, могло просто послать своего хозяина к чертям и отрубиться. А если бы запаса прочности у двигателя хватило и организм переборол бы весь тот яд, которым Мара меня накачивал, еще не факт, что выдержал бы разум. Второй вариант: существование с расплавленным мозгом, безумие до конца своих дней.

Я очень надеялся, что теория Мары верна и эксперимент даст именно те результаты, которых мы ожидали. Мара... Да, все началось с него. То есть все началось гораздо раньше – может быть, в школе, в армии или институте. А может, в далеком детстве, когда шестилетним пацаном я напоролся на ржавый гвоздь... Но все те истории сформировали меня, это было мое становление, моя подготовка. По большому счету я жил лишь для того, чтобы Мара смог осуществить свой эксперимент, – теперь я понимал это совершенно определенно. Мара появился в моей жизни, неся перед собой, словно зная, идею революции духа, и таймер апокалиптической бомбы включился и начал отсчитывать человечеству последние дни. Именно с этого началась повесть о закате цивилизации. Мы были молоды, беспечны и достаточно безумны, чтобы не только желать изменить мир, но и пытаться это сделать.

Я все еще лежал в долине предгорья, слушал шорох ветра в траве, смотрел на гору с белоснежной шапкой облаков и вспоминал события двухмесячной давности. Кто бы мог подумать! Как все было просто и даже обыденно... Марихуановое облако над журнальным столиком текло и менялось, почти так же, как туман на вершине Казыгурта, – вот почему я смог вспомнить точку отсчета. И Мара сказал тогда ключевые слова: «Замочная скважина». Простые слова, но в них наш воинствующий философ вложил новый, убийственный смысл.

Замочная скважина

Вибрация голосовых связок, воспринимаемая людьми как речь, требует воздушного потока, выпускаемого легкими. Мара же пытался говорить, стараясь по максимуму удерживать внутри марихуановый дым. От этого его речь походила на вещание радиоприемника: скрипучая, с частыми короткими задержками. Я подумал, что так может говорить человек, которому перетянули веревкой гениталии, но до состояния беспричинного хохота я еще не дошел, а потому молча и сосредоточенно внимал его словам. Мара наставлял:

– Представь, что все наши органы чувств – всего лишь замочная скважина, через которую мы смотрим на мир. Ну, не только смотрим, а еще слушаем, нюхаем, ну и все, что мы там еще делаем... В смысле ощущений. Понимаешь, о чем речь? А теперь представь, что кто-то снес перед тобой дверь вместе с замком и той замочной скважиной, через которую ты пытался чего-то там подглядеть. Тебе башку оторвет, парень! Ты даже представить себе не можешь, что ты там увидишь!

– Ты это... не грузи, – тихонько попросил Кислый, но никто не обратил на него внимания.

Я принял косяк, затянулся и попытался представить то, о чем вещала радиостанция Мары. Сказать откровенно, ничего особенного мое воображение не рисовало. Вернее, я отчетливо представил себя стоящим перед дверным проемом. Дверь была сорвана с петель и лежала возле моих ног, плоскость стены вокруг проема была темно-зеленого цвета и обильно украшена трещинами, надписями черным маркером и бороздами от гвоздя или еще чего-то острого. Но что было за дверным проемом, мне разглядеть не удавалось. Мое воображение останавливалось на пороге и переступить его категорически отказывалось – все, что было дальше, растворялось в непроглядной черноте. Отчего-то я был уверен, что там ничего нет, но разум говорил, что так быть не может: если я что-то видел сквозь замочную скважину, то по крайней мере это же должен был увидеть и в открытую дверь. Следом я подумал, что и в замочную скважину ничего особенного не видел. Да и вообще, смотрел ли я сквозь нее?...

Я выдохнул и передал «жезл» нашей эстафеты Кислому, пытаюсь разобраться в сложнейшей словесной головоломке: дверь, замочная скважина, непроглядная муть. Кислый затянулся с присвистом, так жадно, что у него глаза полезли наружу. Он поспешно передал Маре «торпеду», а сам почти весь сполз со стула, пытаюсь найти наиболее комфортное положение тела, чтобы как можно дольше удерживать в легких дым. В следующее мгновение Кислый свалился на пол. Из-под стола донесся глухой кашель.

Марихуановое облако висело над журнальным столиком. Дым медленно закручивался в шершавые вихри, рисовал едва различимые спирали, смахивающие на ураганы в атмосфере Юпитера, извивался кривыми Безье, а то вдруг прорывался тоннелями чистого воздуха, чтобы тут же сомкнуться снова. Облако текло и менялось...

Косяк, замыкая треугольник, снова вернулся ко мне. Пришлось прервать созерцание скоротечности пространственно-временного континуума. Я сделал добрый «пас», покопался в памяти, отыскивая последнюю тему беседы, вспомнил про дверь и замочную скважину, сказал:

– Мара, я ничего там не вижу.

– Где? – поинтересовался тот.

– О чем ты, Гвоздь? – сквозь слезы пропищал из-под стола Кислый.

Должно быть, я надолго задержался в помещении с зелеными стенами. Или это марихуановое облако украло время?...

– За дверным проемом, – пояснил я.

– За каким еще проемом, парень?

– Так... Стоп. Ты мне о чем только что говорил?

– А-а-а... Так вот, эта штукавина... Представь, что все наши органы чувств – всего лишь замочная скважина, через которую мы смотрим на мир...

Мне показалось, что я уже это слышал, но голос Мары звучал так, словно ему ремнем перетянули яйца. Я перебил его:

– Мара, будешь так накуриваться, сделаешься кастратом!

А потом меня согнуло пополам, и наружу вырвался Ниагарский водопад хохота.

– Во, Гвоздя торкнуло, – с завистью сказал Кислый, выглядывая из-под стола, и добавил к моему потоку тоненький ручеек визгливого смеха. Кислый даже ржал на халяву.

Я смеялся долго и качественно, так, что скулы свела судорога, а мышцы живота отказывались разогнуть туловище. Наконец я ладонями собрал щеки в кучу, то есть вернул их на место, и приказал себе успокоиться. Где-то внизу тихонько повизгивал Кислый. Мара добивал «пятку» и спокойно поглядывал на меня. Я спросил его:

– Так что там про дверь?

– В следующий раз, парень. Сегодня ты уже не в состоянии адекватно воспринимать информацию. Пока что достаточно, если ты просто запомнишь: все, что мы видим и чувствуем, – всего лишь жалкая толика того, что есть на самом деле.

Минут пятнадцать я размышлял над замечанием Мары насчет того, что информации на сегодня мне более чем достаточно, и наконец решил, что это вполне справедливо.

Гвоздь

Если разбирать мою жизнь по полочкам, то вряд ли там найдется что-то из ряда вон выходящее. Окончил школу, подался в институт, провалил экзамены, пошел исполнять почетный долг – защищать отечество. После армии опять в институт, на этот раз удачно, ну и пять лет студенческой жизни. На третьем курсе осознал, что жизнь самостоятельного человека стоит денег, а потому устроился на полставки сразу в две малюсенькие конторы – присматривать за компьютерами. По окончании вуза нашел работу уже в серьезной организации, которая специализировалась на монтаже и обслуживании телевизионных и компьютерных сетей. Один раз готов был жениться, один раз похоронил отца. В смысле, не потому, что мой отец мог умереть больше одного раза, а потому, что такая вещь, как организация похорон близкого человека, в моей жизни случилась единожды. И слава богу.

История жизни человека в базе данных его памяти располагается вовсе не в хронологическом порядке и даже не по событийной насыщенности пережитого. Самые яркие впечатления – открытия, которые меняют мировоззрение. Именно их будешь отчетливо помнить до конца своих дней. Вот, например, помню себя шестилетнего, висящего на ржавом гвозде. Очень яркое воспоминание, четкое и детальное в ощущениях.

Было теплое воскресенье начала августа, мы с дворовыми ребятами лазили по какой-то конструкции из металла и дерева. Возможно, это были строительные леса, брошенные рабочими за ненадобностью или ветхостью, – я уже не помню точно.

Так вот, я спускался вниз, уже почти добрался до земли, но тут гнилая деревяшка под моей ногой треснула, и я всей массой своего тела напоролся на ржавый гвоздь, торчащий, словно рыболовный крючок. Старая железка вошла в ляжку левой ноги и уперлась в кость. Боль была ослепительной. Казалось, что в моей голове взорвалась бомба. У меня помутнело в глазах, вдруг стало нечем дышать, но каким-то чудом я не выпустил из рук доску, за которую держался, иначе я бы распорол ногу до самой ягодицы. Только несколько секунд спустя, как только смог плотннуть воздуха, я начал орать. Товарищи, в ужасе от происходящего, кинулись кто куда. Возможно, звать взрослых. Я отчаянно трепыхался, но выбраться из этого капкана мне никак не удавалось. И вот это ощущение – ограниченности собственных возможностей – было страшнее боли. Инстинкт самосохранения говорил мне, что надо просто сняться с крючка и все закончится, но... мне не хватало для этого физических сил. Я был объят ужасом из-за невозможности исправить ситуацию. И этот ужас привел меня в оцепенение. Слезы застилали глаза и ручьями текли по щекам. Это даже плачем назвать было трудно – горные реки безысходности и отчаяния. Нога горела огнем, с каждой секундой становилось все больнее и больнее. И вокруг – в пределах досягаемости моего зрения, моего крика и моего страха – не было ни одной живой души.

Есть две категории людей: те, кто верит в себя, и те, кто верит в других. Младенчество – первые годы жизни – учит нас верить в других. Прежде всего в своих родителей, потому что ребенок полностью от них зависит. Но случаются ситуации, когда эту зависимость приходится пересмотреть. Я, ревущий шестилетний мальчишка, висел на ржавом гвозде и чувствовал, что никто мне не поможет. В эту минуту верить в других было нелепо и даже опасно. Разумеется, я не анализировал ситуацию, да и слова такого – «анализ» – еще не знал. Просто мне было невыносимо больно и до безумия страшно, а рядом не было никого. Даже родителей. И то, что теперь можно облечь в конкретные слова, создать информационную структуру, понятную окружающим, как сказал бы Мара, тогда я просто чувствовал на уровне невербальных образов. И это понимание было очень похоже на одиночество. На то одиночество, когда ты с этим миром один на один – без друзей, без родных, без союзников.

И вот тогда во мне появилось слово. И не только во мне – все пространство, весь мой мальчишеский мир, очерченный периметром двора, и вся бесконечная Вселенная, окружавшая этот двор, все, что я знал и о чем только догадывался, все, что я чувствовал и ощущал, настроилось на волны моего сознания, чтобы внушить мне единственное слово: спасись. Эта установка проявилась в моем сознании, как проявляется фотография в реактиве. Сначала она была едва различимым эхом, которое не могло пробиться сквозь стену боли и страха. Потом стала настойчивей, и я начал обращать на нее внимание. Спасись...

И когда она превратилась в приказ, в холодную директиву, когда она загремела в моей голове: «Спасись! Спасись! Спасись!!!», я вырвался из капкана.

Я стал отталкиваться здоровой ногой и подтягиваться на руках и вдруг почувствовал, что нога освободилась. Меня накрыла волна радости освобождения. На меня нахлынула всепоглощающая релаксация. Успокоение было столь всеобъемлющим, столь миротворным, что я практически не обращал внимания на ноющую боль в разорванной ляжке. Для боли в моем сознании больше не было места. Я смог!.. Спасен...

Я медленно поковылял к дому, чувствуя, как горячая липкая жижа стекает по ноге и чавкает в сандалии, и... улыбался. Этот гвоздь, боль и ужас, вернее, освобождение от них... все это переместило меня куда-то в другое место. Солнце высвечивало мутные вихри в поднятой ветром пыли, лежало на листьях березы, у меня на плечах, на крышах домов – это был все тот же родной двор, и все-таки не тот. Изменился я – изменился и мир. Меня охватила эйфория победы над самим собой, потому что знал, нет – чувствовал: отныне я смогу справиться с любой проблемой, противостоять любой угрозе. Именно тогда я ясно ощутил, что такое независимость: свобода от собственного страха.

Навстречу мне бежала мать, следом семенил один из моих дворовых товарищей, но никто из них, да и никто в целом мире не имел понятия, как безнадежно они опоздали. Своего Минотавра я уже победил. Свое спасение – уже приобрел.

С этого случая друзья по двору стали звать меня Гвоздь. Там все было просто, выражение «напоролся на гвоздь» упростилось до единственного слова, обозначающего такое важное событие в жизни двора. Я не возражал: это примитивное крепезное изделие, несколько грамм железа, вытянутого в спицу, отныне значило для меня гораздо больше, чем неприглядное прозвище. Я родился во второй раз, и ржавый гвоздь стал скальпелем акушера, сделавшим моей жизни кесарево сечение.

Информационное поле

Мара позвонил спустя неделю, предложил выбраться в парк и выпить пива, благо теплый июльский вечер располагал к прогулкам на свежем воздухе. Кислый был тут как тут. Иногда казалось, что у Кислого есть антенна, улавливающая намерения других, от него практически невозможно было избавиться. Вот и в тот вечер стоило мне выйти в коридор, как я на него наткнулся.

– Ты куда? – спросил Кислый, готовый кинуться вдогонку, если я попытаюсь сбежать.

Вуз мы окончили два года назад, но продолжали жить в общежитии. Комендант, старый хохол, понимал тяготы и невзгоды молодых специалистов, отпущенных на вольные хлеба, но и к любой случайной монете относился с уважением. Так что на предложение не выставлять меня за дверь (разумеется, в обмен на ежемесячное денежное вознаграждение) он согласился практически сразу, поторговался, конечно, не без этого. Для меня это был хороший вариант, потому что денег снимать квартиру не хватало, а возвращаться в пригород к матери категорически не хотелось: там часто бывала Белка, а у меня не было никакого желания с ней встречаться. Стоит ли говорить, что Кислый тут же последовал моему примеру, то есть договорился с комендантом на предмет жилья.

Понимая, что от Кислого уже не избавиться, я сказал:

– Черт с тобой. Пошли.

Кислый изобразил лицом благодарность, как будто он не поплелся бы следом, пошли я его куда подальше.

Мара присоединился к нам десять минут спустя. Мы шли по вечернему городу. Солнце уже скрылось за крышами западных многоэтажек, но все еще находило щели и брызгало в стекла витрин сияющим золотом. Кислый то и дело забегал вперед, заглядывая нам в лица, опасаясь пропустить что-нибудь интересное, но встречное движение пешеходов сносило его назад.

– Помнишь про замочную скважину? – говорил Мара. – Этот образ придумал не я. Ему уже не одно тысячелетие, это еще древние греки говорили о Логосе. Но в наше время эта тема практически не была освещена, на что и обратил внимание философ из Кембриджа доктор Броуд. Он сказал примерно следующее: возможно, мы неверно понимаем роль мозга, нервной системы и органов чувств в нашей жизни. Их функция, очевидно, заключается в том, чтобы устранять, а не производить. Понимаешь, о чем речь, парень?

– Что? Что устранять? – вопрошал Кислый где-то у нас за спиной.

– Конечно, понимаю, – ответил я уверенно. – Умные в аут-сайде, идиотам зеленый свет. У наших родителей так было при социализме.

– В наше время такой подход тоже все еще существует. Но я не об этом, – возразил Мара с улыбкой, но тут же посерьезнел. – Человеческая цивилизация развивалась благодаря оперированию информацией. Животные накапливают опыт, но процесс этот катастрофически медленный, потому что у следующих поколений остается только тот опыт, который полностью интегрировался в их физиологию. Я говорю о генных изменениях. Это единственный способ животного передать информацию следующему поколению. Речь идет о мутациях, которые позволяют виду приспособиться к окружающей среде. Наш же первобытный предок попытался сохранять информацию вне себя. Результат был потрясающий! В какой-то момент наш предок понял, что, отделяя себя от информации, можно гораздо эффективнее передавать накопленный опыт собратьям и особенно следующим поколениям, что для выживания вида гораздо важнее, потому что эта информация не исчезает вместе с индивидом. Так появились наскальные рисунки, которые намного позже трансформировались в письмо. Так из гортанных звуков, изначально довольно однообразных, появилась речь. Так появился

язык – как технология вынесения информации за пределы человека, как механизм обработки внутренних переживаний, приведения их к виду понятных окружающим символов. Выражения «мне грустно», «мне весело» – сущности сугубо внутренние, саморефлекторные, – стали доступны окружающим. Но это еще не все, парень. Появление языка было чем-то вроде первого нейтрона в ядерной цепной реакции эволюции человека. Использование речи для передачи информации стимулировало в первую очередь сам язык, потому что, оперируя более развитой речью, можно быстрее передать больший объем данных, точнее выразить то, что требует выражения, и быстрее получить ответ. Все остальные открытия – всего лишь следствия появления и развития языка. Понимаешь, в чем тут дело? С этого момента эра дочеловека закончилась и настала эра homo informativus, или homo sapiens – более привычное для нас, хотя и менее верное определение.

Мы остановились у перекрестка. Я оглянулся на Кислого:

– Кислый, в данный момент я собираюсь использовать речь для передачи информации. Возможно, ты не понимаешь всю важность и ответственность момента, заключающегося в том, что я оперирую величайшим наследием человечества, потому что в своем развитии ты застрял где-то между собакой и обезьяной, но тебе и не требуется проводить глубокий анализ услышанного, достаточно в точности выполнить то, что я скажу. – Мара засмеялся, Кислый засопел с деланой обидой. Я продолжал: – А сделать тебе надо следующее: затариться пивом. Мы же в это время будем ждать тебя в парке вон на той лавочке. Только, Кислый, не надо давить на количество, хорошо? Впрочем, себе можешь брать сколько угодно и чего угодно, а нам возьми по паре Becks'a.

– Не обижайся, парень, – подбодрил Кислого Мара. – Ты же знаешь, у Гвоздя юмор жестковат.

Кислый получил деньги и убежал выполнять поручение, мы перешли дорогу и направились к свободной скамейке. Солнце скрылось окончательно, но парк, впитавший сияние дня, был светел и просторен. Легкий ветер все еще помнил аромат липового цвета. Аллеи и тропинки постепенно заполнялись отдыхающими. Мы расположились на лавочке. Мара пару минут разглядывал парк, наслаждаясь спокойствием вечера и тем, что он видел вокруг.

– На чем я остановился? – спросил он.

– Что-то вроде: а когда я очнулся от размышлений, Господь Бог уже наполнил заботливо наши чаши лучистым элем снова.

Мара секунду оторопело меня рассматривал, потом рассмеялся.

– Я, наверно, никогда не привыкну к твоему чувству юмора, – сказал он, все еще улыбаясь, потом погасил улыбку, продолжил: – Так вот. Есть и еще нюансы, способствовавшие развитию речи. Ученые-нейрофизиологи подкинули интересное открытие: оказывается, вибрация черепа, которая возникает от громкой речи и тем более пения, оказывает на мозг человека благоприятный эффект. Такая вибрация способствует вымыванию отходов метаболизма из мозга в спинномозговую жидкость. Получается что-то вроде массажа мозга, что, естественно, способствует его более продуктивной работе и замедляет процесс износа. Взгляни на историю развития человечества – да мы себя без песни не мыслим! Ты можешь представить себе человека, который за всю жизнь ни спел ни одной песни? Возьми любую религию или языческий культ – нет ни одного ритуала, который обходился бы без пения. Начиная с шаманского транса и заканчивая православными псалмами, которые читаются нараспев. На этом значимость вокальных упражнений не заканчивается. Есть мнение, что пение стимулирует пениальную железу, которая, если верить Рикку Страссману, производит ДМТ, ну да не будем пока углубляться в эндогенные психоделики...

– Не будем, – согласился я, – мне сначала надо поковыряться в словаре, отыскать смысл прилагательного «эндогенный».

– Эндогенный – значит выработанный самим организмом, а не привнесенный извне, – тут же пояснил Мара. – Я о том, парень, что истоки пения кроются в физиологии, а искусство, которое человечество считает производной от духовного становления человека, всего лишь следствие развития языка. К тому же песня – это тоже передача информации, иногда даже более действенная, чем обычная речь, потому что, как и изобразительное искусство, оперирует образами – а это несколько иной механизм передачи данных.

Мне вспомнился пьяный ор студентов, случающийся в общежитии довольно часто, и я подумал, что пение, конечно, дело хорошее и, несомненно, приносит поющему удовольствие, а если верить Маре, то и пользу. Вот только у трезвых окружающих такие вокальные упражнения вымывают не только продукты метаболизма, но и рассудок. Я не стал высказывать вслух эту мысль, чтобы не обидеть Мару. Он мог подумать, что я сегодня не воспринимаю его слова всерьез, а это было не так. К тому же речь шла о другом – о накоплении и обработке информации как импульсе развития нашей цивилизации. Эта мысль была мне крайне любопытна.

– Но искусство – это не только опера, – возразил я.

– Живопись – одна из ветвей развития наскальных рисунков, которая лишилась практического применения и ушла в плоскость чистых образов. Вторая ветвь, разумеется, трансформировалась в письменность, в литературу. Танец – это тоже язык, язык жестов и движений. Я бы даже сказал, язык динамики, изменений – перемен. Истоки танца, я думаю, надо искать в ритуалах шаманизма... Все наше искусство – следствие развития сознания, перехода от дочеловека к человеку, и сколько бы мы ни говорили о духовности как о самостоятельной сущности, ее истоки – в физиологии. Вернее, в процессе перехода от дочеловека к человеку, а этот процесс, как ни крути, физиологический.

Прибежал Кислый, перевел дыхание и выдал нам по бутылке Becks'a, себе открыл «Сибирскую корону». Узрев на моем лице улыбку, пожал плечами, прокомментировал:

– Я... это... не гордый. Для меня три лучше двух. Ладно, о чем вы тут?

– Как ни странно, о тебе, – ответил я, надев маску сосредоточенной серьезности. – В частности, чтоб ты знал, задавались вопросом, есть ли у тебя инстинкт продолжения рода? – На физиономии Кислого отразился испуг, Мара был серьезен, очевидно, решил мне подыгрывать. – Пришли к выводу, что тебя надо срочно женить, пока твоя психика еще в состоянии адекватно воспринимать реальность. То есть женщин.

– Да ладно! – не поверил Кислый. Он переводил взгляд с меня на Мару, пытаюсь понять, разыгрываем мы его или нет.

Мара сказал:

– Бракосочетание в контексте нашего разговора можно воспринимать как синергию двух информационных объектов – мужского и женского...

Он прервался, поднял на нас глаза, понял, что далеко ушел от традиционного русского, пояснил:

– Синергия – это партнерство, сотрудничество для достижения определенной цели. Причем предполагается, что каждый из партнеров поодиночке эту цель достичь не в состоянии. В данном случае цель – ребенок, продолжение рода. Тут дело вот в чем. Наша цивилизация культивирует эго, культивирует становление человека как личности, противопоставляемой миру. Мы все больше отдаляемся друг от друга и все больше зацикливаемся на себе. Саморефлексия, которая дала нам когда-то толчок для развития сознания, сейчас превращается в бронированную оболочку, в этакий пуленепробиваемый кокон, в котором человек прячется от мира. Поэтому синергия дается нам все сложнее. Пока что партнерству способствует инстинкт продолжения рода, но кто знает, как долго этот инстинкт сможет конкурировать с разрастающимся человеческим эго. Вынесение информации вовне как средство обмена и передачи накопленного опыта сейчас все больше отодвигается на второй план,

потому что первостепенной задачей эго становится трансляция воли. Люди все меньше беседуют и все больше отдают приказы, даже не сознавая этого... Ну да я забегаю вперед.

Я представил себе два информационных поля, женское и мужское. Мое воображение не баловало меня разнообразием: женское поле походило на искрящуюся золотом шаль, мягкую, шелковистую и податливую. Она висела в пространстве и пугливо съеживалась от малейшего шороха. Над ней парило клиновидное голубое пламя, похожее на копье, – мужская информационная структура. Я знал, что оба поля хотят слиться, но понимают, что стоит им соприкоснуться, и они покалечат друг друга... Я моргнул и подумал, что в лекции Мары появились фатальные нотки.

Стало заметно темнее. Я поднял глаза к небу, оно затягивалось тучами. Мара продолжал:

– Вся история человечества – всего лишь летопись поиска новой информации. С того момента, когда дочеловек стал развивать способности оперирования информацией, его физиологические мутации прекратились. За полтора миллиона лет эволюции тело человека практически не претерпело серьезных изменений. Потому что его достижения в плане обработки информации дали ему колоссальное преимущество: человеку больше не требовалось изменять свою физиологию, отныне он использовал сознание и как основное оружие для защиты своего вида от естественных врагов, и как инструмент для исследования и покорения окружающего мира. В результате человек расселился по всей планете и без труда приспособился к разным климатическим условиям. Какое животное может похвастаться таким завоеванием? Дальше – больше. Человечество всегда стремилось к новым знаниям. Люди рвались покорять горы, океаны, далекие земли. Как только наука и техника достигли требуемого уровня, человечество лomanулось в космос! Ученые и философы создавали новые науки, пытаясь постигнуть тайны природы. Само стремление к познанию стало для человека основополагающей силой, я бы даже сказал – онтологической силой, потому что, я думаю, все мы где-то глубоко в подсознании держим, что благодаря именно этому стремлению наш вид выжил и стал доминировать. Инстинктивно мы чувствуем, что это единственный и самый действенный способ оставаться человеком и не деградировать назад до рядового примата. Посмотрите на детей. С какой энергией, прямо-таки жадной они стремятся изучать все новое! Понимаешь, в чем тут дело? Мир, который у нас есть сейчас, – следствие информационного бума, начавшегося не пятьдесят и не сто лет назад, а полтора миллиона! И благодаря этому буму мы сейчас имеем невероятные средства обработки и хранения данных, и в будущем они будут только развиваться и совершенствоваться.

Я допил пиво и поставил бутылку в урну. Слова Мары отозвались в моем сознании картиной планеты, опутанной сверкающей паутиной коммуникационных средств. Кабели-черви, прорывшие тоннели сквозь земную твердь; атмосфера как сплошной радио- и телевизионный эфир. Как инженер связи я прекрасно понимал, о чем говорил Мара. Тысячи всевозможных технологий передачи и хранения информации, мощные серверы, с колоссальной скоростью гоняющие по компьютерным сетям гигабайты нулей и единиц, дисковые массивы баз данных... А ведь есть еще библиотеки, фильмохранилища, до появления оптических дисков пользовались виниловыми пластинками и магнитными лентами. До открытия бумаги люди писали на бересте, козлиных шкурах, пергаменте, деревянных и глиняных табличках. Да, всю свою историю человечество неустанно копило информацию и в этой своей информационной жадности не собирается останавливаться и в будущем.

Небо становилось мрачнее. Кислый подал голос:

– Мара, это... откуда ты все это знаешь?

– Кислый, человек мозг по назначению использует, – ответил я за Мару.

– Использовать мозг... – задумчиво повторил Мара. – Тут все не так просто. Помнишь, о чем мы говорили в прошлый раз?

– Ты про подсматривание за миром сквозь замочную скважину?

– Точно. Сейчас мы к этому вернемся. Только еще немного поговорим об информации. Чтобы закрыть тему. Вот скажите, как вы вообще представляете себе эту самую информацию?

Вопрос был задан не конкретно мне, но поскольку Кислый отвечать не торопился, я начал:

– Как раздражитель органов ощущений, вызывающий в голове определенные образы.

Кислый чихнул и смутился. Мара пару секунд осмысливал услышанное, потом ответил задумчиво:

– В целом верно. Когда ты смотришь на табурет, тебе доступно не так уж много информации. Ты можешь определить его примерные размеры и предполагаемую массу. Цвет табурета и его текстура укажут, что видимый тобою предмет сделан из дерева. Ты, конечно, знаешь о назначении этого предмета. Но откуда ты взял это знание? Извне. Ты где-то читал, тебе кто-то сказал или ты просто видел раньше, что на табуретах сидят. Такая вот, к примеру, тривиальная ситуация: в серьезном кабаке тебе подают блюдо, которое ты видишь первый раз в жизни, и кучу прибабасов к нему. Как ты себя ведешь? Оглядываешься по сторонам в поисках информации от клиентов, заказавших такое же блюдо, зовешь официанта и в лоб его спрашиваешь, на кой черт тут столько мисочек и ножей разной формы, или смущаешься, да? В любом случае из этой ситуации ты вынесешь новое для себя знание и потом передашь его своим детям, если потребуется. Но вернемся к нашему табурету. Само понятие «деревянный» несет в себе бездну информации, которую ты почерпнул из опыта других людей, изучавших структуру дерева, его свойства, они записали свои открытия в книги, чтобы ты смог потом ими воспользоваться. Нам вовсе не обязательно проверять тот факт, что дерево – отличное топливо и что оно не тонет в воде. Или что исключением из этого правила является древесина железного дерева. Мы вынуждены верить этому, потому что у нас не хватает жизни проверить все известные человечеству факты. Мы попросту пользуемся информацией наших предшественников, и не важно, кто эти предшественники – ученые или твои родители. Мы делаем это, чтобы когда-нибудь и самим стать предшественниками для следующих поколений. Понимаешь, о чем речь, парень?

– О несовершенстве современной образовательной системы? – Взгляд Мары замер на мне, я улыбнулся, толкнул его в плечо. – Да ладно, понятно все. Валяй дальше.

Мара, укоризненно покачав головой, продолжил:

– Природа, да и Вселенная вообще переполнены информацией, которую человечество неустанно обрабатывает. Но человек и сам производит информацию. Мы постоянно вводим в обиход понятия, ранее попросту не существовавшие. Мы смотрим на небо, а в результате получаем календарь, телескоп, астрономию, закон тяготения, квантовую механику, солнечный ветер, ядерное топливо и новые элементарные частицы. А сколько всего я не упомянул? Сколько специальных терминов только в твоей профессии инженера связи, а?

– У меня тоже это... есть... – попытался тихонько вставить Кислый, но Мару было не перебить:

– Но и это еще не самое важное. Давай посмотрим на этическую сторону нашей цивилизации. Культура, мораль, совесть, добро, зло, любовь, религия, Бог – очень информационные структуры, без человека они существовать не могут. Если человечество исчезнет, они исчезнут тоже. Дереву, таракану или креветке без разницы, что такое мораль. Духовные понятия существуют только как следствие жизнедеятельности нашей цивилизации, но они все равно информация и потому расположены вне человека. Таков наш путь эволюции – выносить информацию вне себя. Понимаешь, в чем тут дело? Если абстрагироваться от конкретных носителей информации, которых человечество напридумывало миллион, то появляется как бы новое независимое понятие – информационное поле. Этаким зон данных, если

пользоваться терминологией гностиков. Поэтому нашу цивилизацию следует обозначать как *humanitas informativus*, и никак иначе. Сознание – это следствие обработки информации центральной нервной системой, а не наоборот.

Мне было понятно, куда клонит Мара. Ребенок, этот новоиспеченный потребитель информации, появляется с совершенно чистым сознанием и с несколькими основными инстинктами, не имея никаких навыков. Задача детства – впитать и проанализировать бездну данных. Наверное, именно поэтому половая зрелость у человеческой особи наступает так поздно. Сама наша суть говорит о том, что пока ты не накопишь достаточно знаний, пока не научишься сосуществовать в гармонии с миром и обществом, тебе размножаться рано. Я ответил:

– Сама Вселенная говорит человеку, что пока он не накопит достаточно опыта, который может передать следующему поколению, плодиться ему воспрещается.

Мара кивнул и тут же отрицательно покачал головой.

– Потребность в информации, – продолжил он, – и эта, как ты очень точно заметил, информационно-половая зрелость индивида – их диктует не внешний мир... во всяком случае, теперь. Я хочу сказать: тот факт, что оперирование информацией стало для человека онтологическим фундаментом эволюции, оставил в его геномном коде определенный след. Возможно, жажда информации – это один из наших инстинктов.

Небо затянулось полностью. Черно-фиолетовые тучи в сизых прожилках ритмично озарялись бледными всполохами, словно пульсировали. Ни дать ни взять – человеческое сердце. Воздух напитался сыростью, от липового аромата не осталось и следа. Дождь готов был пролиться в любую минуту, но Мару это, похоже, не волновало. Меня, впрочем, тоже.

– Это... Сейчас дождь пойдет, – с тревогой прокомментировал Кислый климатические условия и присосался к своей последней бутылке.

Мара и бровью не повел. Я смотрел на него и думал, что в описанной им картине кое-чего не хватает. Спросил:

– Мара, если вся информация хранится вовне, то есть отдельно от человека, то где же хранится культура как сущность, определяющая человечество? Я про культуру духа, про ту, которая формирует человеческий характер, а не ту, которая помогает писать песни и картины.

Мара кивнул, подтверждая правомерность вопроса, ответил:

– Культура строится на морали, а мораль – это всего лишь набор правил и стереотипов поведения. Как таковая, она все та же информация, которую люди вывели в отдельное понятие. Мораль – это такое себе «третье небо», если пользоваться терминологией все тех же гностиков.

Я посмотрел вверх. «Мораль» заполняла все видимое пространство черной тяжелой массой. Она все так же пульсировала, текла, неторопливо перемещивалась, давила на плечи и грозила влажным холодным наказанием. Я поежился. Мара продолжил:

– Доказательства этому очевидны. Если младенца поместить в совершенно отличный от нашего социум, младенец вырастет в существо, соответствующее этому социуму. Я говорю о психическом взрослении. Физиологически он, разумеется, останется человеческой особью. Именно потому, что культура и мораль находятся вне человека, взрослея, он черпает из тех информационных сфер, которые ему доступны.

– Но Маугли! Он же... это... вернулся к людям! – вдруг вставил Кислый, радуясь, что смог-таки поучаствовать в диалоге.

– Киплинг безбожно врал, – спокойно парировал Мара. – Маугли никогда не вернулся к людям, потому что он вырос волком. Тут работает все тот же механизм самораздувающегося человеческого эго, о котором я уже говорил. Людям льстит идея их уникальности и совсем не

нравится мысль, что эта уникальность не прописана в геномном коде человека, но приобретает через опыт по мере взросления. Говоря проще, новорожденную людскую особь невозможно назвать человеком разумным, ей требуется еще несколько лет, чтобы до этого уровня доползти. И это давным-давно известно ученым: мозг младенца находится в последней стадии формирования, даже кости черепа до конца не воссозданы. Если младенца поместить в социум волчьей стаи, можешь не сомневаться – он вырастет в волка. И доказательство этому имеется, и звучит оно просто: все люди разные. Помимо генетического наследия, на уникальность которого я не посягаю, люди рождаются и взрослеют в различных информационных секторах. Понятия «народность», «национализм», «демография», «менталитет»... короче, термины, описывающие социальные группы, – неспроста же они появились, а? Мы плаваем в разных информационных реках и, взрослея, становимся представителями того социального сектора, из которого черпаем необходимую нам информацию.

Мне вспомнилась политическая карта мира, и я подумал, что пестрая палитра, где каждое государство обозначено отдельным цветом, содержит куда больше смысла, чем кажется на первый взгляд.

Раскат грома, оглушительный, как глас Зевса, на несколько секунд прервал нашу беседу. Я снова посмотрел на небо, и мне в голову пришла мысль, что наша мораль, эта черная, тяжелая, изменчивая масса – одно из самых странных порождений человечества. Потому что единственная ее цель – карать.

– Так вот, парень, – произнес Мара, как только стихло эхо грома, – замочная скважина, она же наша центральная нервная система – это канал, через который мы подсоединены к информационному полю Вселенной. И у этого канала есть очень сильное ограничение.

– Прямо сервер вселенских данных, а мы «тонкие клиенты» с ограниченной полосой пропускания, – заметил я.

Мара улыбнулся, продолжил:

– Не знаю, что такое твой «тонкий клиент», ну да не важно... Это ограничение – защитный механизм. Представь, что бы случилось с нашим далеким предком, если бы на него обрушилась вся существующая в мире информация. Он сошел бы с ума. Да и наш современник, как правило, не выдерживает. Сколько примеров ученых мужей, закончивших свои дни в сумасшедшем доме? Понимаешь, о чем речь?

– Да уж, – согласился я, вспомнив невеселую жизнь старика Ницше и тем более его безрадостную кончину. – Хапнешь информации чуть больше, чем тебе положено, и мозг pošлет тебя куда подальше и благополучно отрубится. «The System has failed» – и синий экран смерти.

– Точно. Но иногда этот риск оправдан. Он был необходим, чтобы дочеловек стал человеком. Он нужен и сейчас, чтобы человек стал... homo extranaturalis – сверхчеловеком.

Мара пристально смотрел мне в глаза, и от этого взгляда и некоторой недосказанности я почувствовал, что впадаю в легкое оцепенение. А потом хлынул дождь. Мгновение назад его не было, и вот он уже наполнил пространство белым шумом, прохладой и грустью.

Капли шуршали в листьях, шипели в лужах, насыщали влагой одежду, прохладными струями стекали за шиворот. Пахло гниющими водорослями – должно быть, дождь растревожил тину у берегов пруда. Я сидел на лавочке с недопитой бутылкой пива в руке, неторопливо промокал и думал, что дождь – это всего лишь информация, которую выливает на нас мрачное и тяжелое, как сама безысходность, «третье небо».

Червоточины в яблоке этики

Мировоззрение человека, которое он считает плодом осмысления своего опыта, накопленного за прожитые годы, и анализа достижений мысли других людей, на самом деле является всего лишь надстройкой, фанерным коттеджем, установленным на железобетонные сваи стереотипов поведения, которые с младенческих лет в человека, словно тяжелый сваябой, вколачивает мораль. Для младенца понятия «хорошо» и «плохо» просты и абсолютно прозрачны. Хорошо – это то, что удовлетворяет основные инстинкты, а плохо – то, что им угрожает. В это время Истина и Добродетель имеют вполне конкретные лица – лица родителей. Когда тебе полтора-два года, неизвестного и потому притягательного (и зачастую опасного) вокруг предостаточно, но рядом всегда есть отец, не человек – адепт ордена Истины, у которого на все твои «что это?», «как это?» и «зачем это?» всегда наготове ответ. И мать, не женщина – Лада, богиня Любви, Милосердия и Прощения; она готова испепелить мир, если тот вздумает угрожать ее чаду. На этом и строится авторитет родителей. Но ребенок растет, и по мере взросления картина мира катастрофически усложняется. У любопытного сына появляются вопросы, над которыми мудрому родителю приходится изрядно поломать голову; возникают опасности, от которых не в силах уберечь мать.

В первый класс я отправился, умея читать, и даже писал довольно внятно печатными буквами. И я был не единственный такой «вундеркинд». Но если моим одноклассникам пришлось выдержать изнурительную дошкольную подготовку, когда возможность поиграть во дворе с товарищами в прятки или погонять мяч неумолимо проходила через обязанность прочитать «отсюда и досюда», а потому выростала в протест, слезы, крики и шлепки по заднице, то мои родители никогда на такую растрату нервов не шли. Они вообще не требовали, чтобы я читал. Научить научили, на том дело и кончилось. Потому что в этом не было необходимости – дальше я читал сам.

Мара говорит, что жажда информации – онтологический инстинкт человека. В моем случае это очень похоже на правду. Если я не понимал ответа на свой вопрос или не получал его вовсе, я искал его в других источниках познания. Прежде всего в толстых красочно иллюстрированных детских энциклопедиях, которых отец накопил мне с десятков, справедливо полагая, что сложность моих вопросов со временем будет только возрастать. Отец был инженером, и в темах, которые можно свести к математике, физике или химии, короче, к совокупности законов и правил, описывающих сугубо материальный и законченный мир (каким его видел, например, Галилей, создавая свою замкнутую систему координат), отец разбирался достаточно хорошо. Но главные проблемы философии и тем более экзистенциализма, как, например: «Кто я?», «Почему мы – люди? Почему не собаки? Почему не птицы?», «Что будет, когда я умру?», «Что такое умереть?», «Что такое Бог?» etc, выходили далеко за рамки его эрудиции. В такие моменты его невнятные и пространные объяснения порождали у меня ощущение, что родитель и сам толком не понимает, что говорит.

– Родил умника на свою голову...

Впрочем, двадцать лет спустя я уже и сам прекрасно осознавал, что в этих вопросах плавал не только мой отец – испокон веков в них отчаянно барахтается все человечество.

Но в том далеком детстве я не мог принять факт существования знаний, недоступных для понимания. Мозг ребенка – маленький прожорливый зверек, пищей которому служит информация. Этот мозг впитывает терабайты данных, чтобы завершить процесс собственного развития, чтобы его хозяин стал полноценной человеческой особью. И происходит это тогда, когда сознание вступает в фазу анализа информации, надерганной отовсюду и вперемешку; когда развитие центральной нервной системы как механизма обработки информации

выходит на завершающий этап, как сказал бы Мара. Такие сцены умиляют родителей, они смотрят с улыбкой на свое чадо и говорят:

– Смотри, какой серьезный! Такой маленький, а уже думает!

Я не помню момента, когда начал мыслить самостоятельно, но помню, как во мне появилось сомнение, что отец знает совершенно все. Но это понимание вовсе не убавило родителю авторитета в моих глазах, потому что какой бы тягой к чтению я ни обладал, в возрасте шести-семи лет очень трудно разобраться в прочитанном, тем более когда читаешь хоть и детскую, но все же энциклопедию, а не приключения Незнайки, книжку о котором я осилил сразу же после букваря. Так что многие вечера мы проводили с отцом, пытаясь совместно разобраться в темах, меня интересовавших. Я сидел у него на коленях, тыкал пальцем в прочитанный текст или картинку и внимательно слушал его пояснения, после делился с ним своими соображениями. Отец никогда не настаивал на своей точке зрения, если не был уверен в ней на сто процентов, так что иногда наши обсуждения заканчивались следующим:

– Что ж, молодой человек, твои взгляды на данную проблему имеют право на жизнь.

С матерью общаться было немного сложнее. На мои «почему?» у нее наготове имелась идеально отрепетированная реплика:

– Спроси папу. Он лучше знает.

Но это если мои интересы попадали в границы материального мира, нас окружавшего. Если же вопрос звучал в контексте норм поведения, мать выходила из себя.

– Убери игрушки, сложи их в ящик.

– Зачем?

– Чтобы был порядок.

– Но я же буду с ними играть потом.

– Вот потом и достанешь. А сейчас просто убери!

– Зачем?

– Ты издеваешься надо мной?!

Я этого не делал, в смысле не издевался над матерью, просто не понимал целесообразности ее требований. Понятие «порядок» в моей шестилетней голове ассоциировалось скорее с гармонией – гармонией меня и моих вещей как части мира, мне принадлежащего. В этом смысле мой порядок был куда логичнее и целесообразнее, чем тот, который мне навязывала мать. В ее схеме порядок отсутствовал вовсе, вместе с игрушками. Но когда тебе шесть лет, такое не объяснить даже себе, не то что убедить рассерженную мать. В конце концов я пожимал плечами и шел убирать игрушки, делая зарубку на древе моих пока что неразрешенных вопросов. Мать же провожала меня напряженным взглядом, недоумевая по поводу спокойствия сына. В семьях ее подруг она часто наблюдала совершенно противоположную реакцию детей на требование родителей: слезы, истерики, катания по полу etc. Она видела это так часто, что подсознательно считала подобное поведение практически нормой, вернее, куда нормальнее моей толерантности и непротивления. Возможно, в семейной жизни ей не хватало театральности, не хватало повода разыграть увлекательную драму «Отцы и дети», воспоминаниями о которой можно было бы делиться с подругами, украшая свои монологи, словно праздничный торт цветами из взбитых сливок, увлажнением глаз и выразительной мимикой. В какой-то мере это заменило бы маме зрителей и овации – все же искусство рассказчика сродни искусству актера. Маме не хватало выплеска переживаний, кипящих в ее душе и требовавших выхода, когда факт их проявления становится важнее причин, их породивших, потому что превращается в бурлящий гейзер – феномен, который захватывает и завораживает сам по себе. Мама была человеком, переполненным чувством неудовлетворения, настолько сильного, что ей было необходимо время от времени сливать его избыток во внешний мир. Драматический кружок, который она посещала в студенческие

годы, справлялся с задачей сублимации, но потом он закончился, как и годы оптимистичной юности, великой актрисы из мамы не вышло, зрители в лице мужа и сына на должность рьяных поклонников ее таланта до требуемого уровня не дотягивали, и даже с подругами невозможно было поделиться трагедией семейных отношений, потому что этих трагедий попросту не было. Папа всегда чувствовал грань, после которой размолвка превращается в скандал, и старался ее не переступить, я же и вовсе не откликался на отрицательные посылы, так что неудивительно, что мама считала мое поведение издевательством. Мама... чуткая, заботливая, улыбчивая в хорошем настроении и нервная, раздраженная, склонная к визгливому крику – в плохом. Она любила меня и папу, но по сути была несчастной женщиной, потому что даже для женщины любовь и счастье далеко не одно и то же.

Я не испытывал дискомфорта по поводу маминых требований. Инъекция вселенского умиротворения, которую мне привил ржавый гвоздь, надежно защищала меня от вирусов переживаний, так что в моменты проявления маминой раздражительности я оставался невозмутим. Лет десять спустя я начал понимать, какую именно реакцию мама ждет от меня, и стал ей подыгрывать, и это, при кажущихся внешних разногласиях, сблизило всех нас. Но сделать подобный анализ поведения взрослого человека, когда тебе всего-навсего шесть лет, вряд ли кому-то под силу. Я оставался ребенком, мама – несчастной женщиной, а Вселенная – Вселенной.

Сама же мама, как и все женщины вообще, к анализу была не склонна изначально. Но травма моей ноги и ее следствие – изменение характера – были слишком примечательными фактами, чтобы она не смогла уловить между ними связь. Мое поведение ее тревожило, к тому же она, творческая натура, помнила ужас, охвативший ее от созерцания картины поистине апокалипсического размаха: в лучах заходящего солнца, пылающего золотыми отблесками поверх латанных ржавым железом крыш, ей навстречу, оставляя на траве пунктир из алых клякс, прихрамывая, ковыляет ее кровинушка, плоть от плоти ее, воплощение смысла материнского начала – сын. Ковыляет, а вся его левая нога ниже штанины измятых шорт выкрашена бордовой краской, и блики заходящего солнца бродят по ней, текут в такт движению, и кажется, что с ножки ее ребенка содрали кожу... Но хуже всего другое: лицо сына, которое должно нести печать муки и жажду утешения как последний завершающий штрих этой трагической сцены, вовсе не искажено гримасой боли, не ужасает ликом страдания, напротив – оно расслаблено и даже улыбается... Эта сцена не укладывалась в сознании мамы, а потому была для нее пугающей и невозможной, о чем она и пыталась жаловаться мужу. Но отец не разделял ее страхов. Зная тягу жены к гиперболам, он игнорировал ее опасения, считая, что в данном случае они выходят за рамки здравого смысла и даже смахивают на паранойю. Тем не менее, как только рана зажила, мама потащила меня к невропатологу.

Обладатель резинового молоточка не нашел в моей нервной системе отклонений и посоветовал моей родительнице не беспокоиться и даже радоваться тому, что у нее такой уравновешенный сын. Мама с сомнением выслушала эти заверения, взяла меня за руку и направилась в кабинет психиатра. Там нас встретил забавный дед с седой бородкой, доброй улыбкой и хитрыми глазами. Он показывал мне какие-то картинки, задавал кучу вопросов, что-то быстро и неразборчиво писал. Наконец сказал маме, что опасаться нечего, ибо мальчик сообразителен и любознателен, в себе не замкнут, а стало быть, никаких отклонений в развитии нет. Я был здоров, и маме пришлось с этим смириться.

С этим диагнозом я и отправился в первый класс. И не потому, что в школе сомневались в моем психическом здоровье, а потому, что по этому поводу беспокоилась мама.

Панельные стены со сквозными отверстиями для электрических розеток – вовсе не преграда, а скорее проводник звука. Я часто слышал, как родители, выждав полчаса тишины, принимались скрипеть пружинами матраса и учащенно дышать. Несколько минут спустя отец уже не дышал – приглушенно хрипел, так, словно хрип прорывался сквозь плотно сжа-

тые зубы, а мама жадно хватала ртом воздух и потом вдруг расслаблялась в тихом стоне. Следом затихал и отец. Потом они что-то еще говорили друг другу, что-то совсем тихое и ласковое, и это сбивало с толку и даже было немножко обидно, потому что казалось, что родители скрывают от меня какую-то важную тайну. Но на следующее утро я видел на лицах родителей счастливые улыбки, и какое-то шестое чувство подсказывало мне, что об услышанном ночью лучше помалкивать. Тогда я уже понимал, что есть науки, которые желательно постигать самому. К тому же родители были довольны, а значит, в семье наступала гармония. Отец с большим энтузиазмом отвечал на мои вопросы, а мама не требовала, чтобы я убирал игрушки. Красота... Так что если я слышал это, то, конечно, слышал и диалоги, даже если родители говорили шепотом (потому что скрип матраса не мешал). Как, например, разговор поздно вечером накануне первого сентября.

– Я не знаю, я так боюсь! – тихонько воскликнула мама, и я отчетливо представил, как она прикрыла глаза и приложила ладонь тыльной стороной ко лбу. – Он не похож на других детей. Как он там будет с ними?!

– Прекрати панику, – спокойно и где-то даже автоматически ответил отец. – Что, у него друзей нет, что ли? Он же не замкнут, нормально с другими общается.

– Ты просто не видишь, потому что не хочешь видеть! – Мама начала разыгрывать одну из своих любимых игр: «Ты не воспринимаешь меня всерьез!» – Он всегда такой спокойный, что меня это даже иногда пугает!

– Тебя пугают мыши, тараканы, пауки и дождевые черви. – Мама брезгливо фыркнула, отец продолжил: – Неудивительно, что тебя пугает обычный ребенок. Ты просто трусиха.

– С тобой невозможно разговаривать! Ты все переворачиваешь так, чтобы выставить меня паникершей, я же пытаюсь помочь нашему сыну и нашей семье! Неужели тебе не кажется странным, что он никогда не плачет, не кричит, даже слова против не скажет!

– Милая, – сказал отец примирительно, – если бы он тебе перечил, мы точно так же лежали бы сейчас, только обсуждали немного другую тему: какой у нас непослушный сын.

– О господи! Ну когда ты начнешь воспринимать меня всерьез?!

– Тебя мое мнение интересует или Господа?

– Ты можешь хоть на мгновение оставить свою иронию?! – В голосе мамы появлялось отчаяние, и я представлял, как папа улыбается, потому что даже я понимал, что это отчаяние писано дешевой гуашью на старом картоне.

Дальше я слушать не стал, пошел спать, потому что этот диалог мог затянуться на полночи, и вряд ли бы он отличался от десятков подобных диалогов, которые я слышал на протяжении последнего года. Что я понимал из услышанного: мама считала, что со мной не все в порядке, отец с ней согласен не был. Что я не понимал: зачем об этом говорить полночи регулярно раз в неделю. Понял я это намного позже, где-то лет в одиннадцать-двенадцать. Это был акт жертвенности, отмеченный истинным трагизмом и как следствие, может быть... величием? Отец прекрасно знал свою жену и то, что для ее психики крайне необходимы выплески избытка психической энергии. Он любил ее и шел на жертву, о которой мама даже не подозревала: он давал ей возможность избавиться от того, что в больших количествах способно было ее убить, – маминых собственных эмоций. В то время, когда я, в свои двенадцать лет уже осознавший, каким должно быть мое поведение, чтобы эго мамы оставалось в гармонии с самим собой, все же только создавал иллюзию переживаний, оставаясь внутри по большей части бесстрастным, отец как раз меньше проецировал свои переживания наружу, все больше стараясь подавить их внутри. Он, как аккумулятор с бесконечной емкостью, впитывал в себя то, что впитывать было не нужно. Проглатывал огненных демонов и тушил их пламя усилием воли.

Душа – это печень эмоций. Ее задача – очищать человеческое естество от отходов метаболизма эона чувственности человечества. Но если постоянно гнать через нее алкоголь отри-

цательных чувств, она начнет барахлить. Возможно, это и погубило отца, но иначе он не умел...

А потом было утро первого сентября. Отец выглядел уставшим и невыспавшимся, зато мама порхала по квартире, улыбалась, напевала что-то из репертуара современной эстрады и вообще наводила веселую суматоху. Из кухни пахло кипяченым молоком, горячим печеньем, свежим хлебом и яичницей, жаренной на сале. Отец сидел за столом и пытался сосредоточиться на чтении газеты, потом, увидев меня, спросил:

– Ну, молодой человек? Готов?

Я пожал плечами. Как можно быть готовым к тому, о чем имеешь смутное представление?

– Оставь его, дорогой, ты же видишь, малыш переживает. Это же его первый школьный день!

То ли мама и в самом деле расценила мой неопределенный жест как волнение, то ли просто очень хотела в него поверить. Я не стал возражать.

– Мам, я не хочу яичницу. Мне печенье с молоком, – сделал я заказ, потому что знал: нет ничего вкуснее этого печенья, только что вынутого из духовки. Что-что, а готовить мама умела.

Я получил стакан теплого молока и тарелку печеных вкусностей, быстро с ними расправился, поблагодарил и собрался идти в свою комнату облачаться в белую рубашку и коричневый костюмчик. Но мама меня задержала:

– Малыш, скушай еще яблочко. Там витамины, они тебе сегодня пригодятся.

Я задержался. Мама положила яблоко на разделочную доску, занесла над ним нож, послышалось сочное «хрусь», плод раскрылся двумя половинками, а следом мама вскрикнула: «О господи!» – и отшатнулась, выронив нож, – тот громко звякнул о кафельный пол. Папа поднял на супругу глаза, я подошел посмотреть, что же такое испугало маму.

На бледно-желтом теле яблока, покрытом испариной сока, вокруг гнезда коричневых семечек изгибалась тоненькая бороздка, обозначенная бурыми точками. В ней шевелился молочно-белый червячок с черной головкой.

Я взял обе половинки яблока, внимательно рассмотрел со всех сторон. Мне бросилось в глаза то, что снаружи кожа была совершенно целой. Я подошел к отцу, спросил:

– Пап, как червячок попал внутрь? Его норка нигде не выходит наружу.

Отец взял половинки яблок, тоже внимательно осмотрел, задумался. Было видно, что решать такие ребусы на невыспавшуюся голову ему совсем не хочется. Наконец сказал:

– Он залез туда, когда был настолько маленький, что его червоточину теперь не видно невооруженным глазом.

Довольный, что нашелся с ответом, отец отдал мне половинки яблока и вернулся к завтраку. Я сильно сомневался в том, что он сказал мне правду, потому что к тому времени научился различать, когда отец уверен в своих словах, а когда нет. На этот раз он просто выдал мне первое, что пришло в голову – гипотезу оккупации яблока червями-младенцами – и на этом поставил точку.

– Выброси! – потребовала мама. Она смотрела на половинку яблока с червячком как на источник бубонной чумы. – Яблоко испорчено!

«Испорченные» половинки плода выскользнули из моих ладоней и упали в корзину для мусора. Я смотрел на них и думал о том, что должен понять, как и почему в таком чистом, сочном и аппетитном яблоке появляются черви. Разрозненные нити жизни – обрывки какой-то информации, размышлений и событий, маминых «О господи!» и спокойной рассудительности отца, длинный список пометок «с этим надо разобраться» и «папа не знает, что это такое» и многое-многое другое, чего даже словами невозможно было описать, – вдруг сплелись воедино, и я почувствовал, что если когда-нибудь смогу ответить на этот вопрос:

почему в идеальном, практически первозданном плоде появляются черви, которые одним своим присутствием портят саму суть яблока, – то смогу ответить и на все остальные вопросы. Словно Его Величество Знание дыхнуло на меня освежающей прохладой просвещения, словно хотело мне подсказать направление, в котором я должен двигаться. И я понял его. Понял и внял его совету – начал искать червей. И пару месяцев спустя я нашел первого.

Мы сидели за партами и прилежно внимали рассказу высокой и грустной женщины (нашей учительницы) о девочке, которая подходила ко всем подряд и радостно объявляла, что ее папа поправился. До этого папа очень долго лежал в больнице и перенес операцию, а может, и две. Дети, которым девочка упорно навязывала свое общение, в основном реагировали одинаково, они вопрошали: «Ну и что?» Но вот нашелся один славный мальчик, который порадовался вместе с героиней рассказа, весь разулыбался и ответил: «Как здорово! Давай нарвем цветов и пойдем его поздравим!» На этом история закончилась. Такой себе пресный рассказик, который я внимательно слушал, ожидая чего-то интересного в конце. Но развязка оказалась банальной и совершенно скучной, и я подумал, что лучше бы нам прочитали отрывок из Незнайки. Но тут учительница задала вопрос, который меня насторожил:

– Дети, кто, по-вашему, в этой истории поступил правильно?

В свои семь лет я ясно почувствовал, что меня держат за дурака. Потому что было очевидно, какой ответ желает получить учительница. Отец никогда не задавал мне вопросов, от которых я чувствовал бы себя глупым. Я уже хотел было засмеяться, но, глядя на десяток рук, поднятых в желании поскорее обрадовать учительницу «правильным» ответом, прикусил язык.

– Последний мальчик поступил правильно!..

Я не знал еще, что такое лицемерие, но за два месяца успел более-менее познакомиться с товарищами по классу и понять, кто что из себя представляет. Большая часть одноклассников, не задумываясь, послали бы девочку куда подальше. Но после того как учительница задала свой идиотский вопрос, это становилось не важно, теперь главное заключалось в другом: не обязательно поступать правильно, достаточно знать, *как* поступать правильно. Это называется праведность.

– А ты что думаешь? – спросила меня учительница, обратив внимание на отсутствие активности с моей стороны. А может, на мою озадаченную физиономию, решив, что озадаченность – реакция на сложный вопрос.

Я сказал:

– А где он хотел рвать цветы?

Вопрос привел учительницу в замешательство. Я внимательно смотрел на нее и ждал, что она скажет.

В нашем поселке цветы не росли на улицах, и единственное место, где их можно было достать, – оранжерея. Но там их тоже не раздавали бесплатно. Как-то мы с товарищем решили порадовать наших мам тюльпанами, и нам, застигнутым на месте преступления, пришлось спешно уносить ноги. Так что в свое время я усвоил твердо: если берешь чужое, можешь огрести тумачков. Ради выздоровевшего папы совершенно чужой для меня девочки я бы не полез в оранжерею – вот что я имел в виду. Сказать: «поздравляю» – пожалуйста. Улыбнуться – от меня не убудет. Но цветы – это перебор.

– Да какая разница! – наконец воскликнула учительница, все еще не понимая, почему я вообще на этих цветах сделал акцент.

Я отрицательно покачал головой и твердо сказал:

– Я не буду рвать цветы для чужого папы.

Кто-то хихикнул, кто-то повертел пальцем у виска. И в самом деле, кто ты, если не дурачок, когда отвечаешь то, что думаешь, а не то, чего от тебя ждут. В мире праведности

честность не добродетель. Мало того, в среде праведности честность – синоним бестактности и даже вероломства. Ну что стоит ответить правильно и тем самым дать учителю возможность со спокойной душой закрыть тему? Честный ответ – это посягательство на спокойствие и заведенный уклад, потому что на него необходимо реагировать, с ним необходимо считаться, а стало быть, тратить время, силы, а то и нервы. Нет, в мире праведности честность – не добродетель.

– Наверное, мне стоит повидаться с твоими родителями, – произнесла учительница озадаченно.

Я пожал плечами, никакой вины за собой я не чувствовал. Но, как выяснилось позже, учительница не собиралась жаловаться на меня. Она хотела ближе узнать родителей, чтобы, так сказать, прочувствовать среду, в которой варится ее подопечный. Пыталась, как говорится, быть хорошим педагогом. Хотя можно ли быть хорошим педагогом, действуя в рамках территории морали?... Но мне это было уже неинтересно, потому что на том уроке я почувствовал дисгармонию, дисбаланс между мной и обществом, возникший только потому, что я не хотел делать то, чего от меня ожидали, и запомнил это на всю жизнь. Много лет спустя, анализируя свое прошлое, я пришел к выводу, что на том уроке я нашел своего первого червяка в яблоке этики. К моменту окончания школы этот плод уже кишел ими.

Монах ордена эзотерики

Мара я знал лет пять. Его кто-то приволок на одну из наших студенческих пьянок. Мара скромно попил, еще скромнее поел, был немногословен и улыбчив. А когда понял, что компания попалась адекватная, быстро и качественно раскурил всех в водяной пар. Чем вызвал к своей персоне глубокую симпатию и уважение.

Мара слушал русский рок, регги и американский блюз, читал эзотерику и философию и одевался как хиппи. Ну или почти как хиппи. Потертые джинсы, футболка с физиономией накуренного Боба Марли, светлая шевелюра до плеч (как правило, собранная в хвост на затылке), высокие ботинки армейского образца, глаза за широкими окулярами коричневого стекла, вызывающие ассоциацию с горнолыжными курортами, и куча всяких кожаных фенечек и побрякушек-талисманов на шее и запястьях. Таким его видели прохожие на улице и клиенты магазина, в котором он работал. Я же за пять лет нашего знакомства сумел разглядеть в нем гораздо больше, чем люди обычно замечают в посторонних. Вот, например, его волосы. Не русые и не белые, скорее цвета хорошо высушенной соломы и тонкие, как паутина. Складочки вокруг губ, намекающие на частую улыбку. Едва различимые морщины, убегаящие от глаз к вискам, – морщины человека, который на все смотрит пристально, с прищуром, пытаясь заглянуть туда, куда обычный взор не проникает. Сами глаза густо-голубые, не синие, а именно насыщенно голубые, и на самом их дне светлая глубинная грусть, древняя, как сама природа, а потому способная проложить себе дорогу сквозь каменные стены общественного мнения, – взгляд Мары был чист и опасен, как разряд электричества. Нос длинный, узкий – такими носами Андрей Рублев награждал святых на своих иконах. Тонкие губы и упрямый подбородок, вносящие в общую картину элемент жесткости и даже стоицизма. Просветленное лицо с железными чертами. Мара странным образом сочетал в себе душевную мягкость и волю воина Спарты. С первой секунды нашего знакомства он стал мне симпатичен. Вернее, любопытен. Я подумал, что он похож на адепта розенкрейцеров или каких-нибудь там тамплиеров. Что-то было в нем от представителя воинствующего монашеского ордена, где любовь к человеку чудесным образом уживается с великолепным владением мечом. Мара вполне мог избить человека, если он того заслуживал, но следом поделиться с ним последним, что у него было.

Мара торговал дисками в музыкальном магазине и в целом, конечно, не попадал в категорию обеспеченных граждан. То есть не попадал настолько, что поначалу казалось странным, что у него всегда имеется «дурь». Сперва мы думали, что он дилер, но все оказалось не так. Мара не торговал. Никогда. Мало того, его мировоззрение (этакий слепок европейской философии и галлюциногенных просветлений Кастанеды) не позволяло ему опускаться до торговли «инструментами знания» – это его определение.

– Истинное знание невозможно ни купить, ни продать, – так он пояснял свою позицию.

– Ты гностик? – спросил я как-то его, довольный возможностью похвастаться знанием мудреного слова.

Он задумался на секунду, ответил:

– Не вполне. Гностики считают, что истинное знание невозможно передать кому ни попадя. То есть, чтобы его получить, нужно быть избранным. В противном случае никакими духовными практиками его не заграбастать. В этом что-то есть, я не спорю. Впрочем, как и в любой философии: там всегда что-то есть и чего-то не хватает. Как правило, не хватает самого главного... А насчет гностиков – думаю, они были не совсем правы. Я-то как раз считаю, что с помощью кое-чего знание заполучить возможно. Тут я с Кастанедой согласен. Если тебя ломает сидеть в позе лотоса двадцать лет кряду, то можно попытаться расколупать

энергетический канал в темечке с помощью специальных инструментов. К тому же, парень, природа нас щедро этими инструментами снабжает, неспроста же она так делает, а?

Поэтому Мара «дурью» не торговал. Но – будучи неторгующим из идейных соображений, с осторожностью и пониманием относящийся к всевозможным «акселераторам прогресса», Мара становился идеальным кандидатом на должность начальника камеры хранения. Короче, Мара был банкиром, а его квартира – банком. Все его знакомые держали свои «депозиты» в его хранилище. Причем за это незаконное дело Мара опять же денег не требовал, но имел негласное право изымать некоторую часть «дури» для личного пользования. Вот этим правом он со спокойной совестью и пользовался, а заодно и окружающих угощал, если они того заслуживали.

По тем же самым соображениям Мара категорически отказывался иметь дело с амфетаминами, крэком, героином и их производными. К тяжелым наркотикам и сильным стимуляторам Мара относился крайне отрицательно, потому что «они никакого высшего знания дать не могли и существовали всецело ради свинячьего удовольствия» – такая у него была позиция. «Торчков» Мара считал вымирающим видом, неверным витком эволюции. Но при этом Мара относился к ним скорее с сожалением, с какой-то христианской терпимостью. Мара вообще был человеком добрым. Я бы даже сказал – фундаментально добрым.

– Они слабы и несчастны, – так он комментировал свое отношение к проблеме наркомании. – Потому что захлебнулись в навязанном им культе гедонизма как величайшем благе, которого только может достичь человек. А это губительная иллюзия, потому что гедонизм – это демон, требующий беспрекословного подчинения. Если ты постоянно поощряешь в себе тягу к удовольствиям, будь уверен – ты на пути к полной деградации.

Мара жил один. В наших студенческих кругах ходили слухи, что родители Мары погибли в автокатастрофе, когда ему было лет пятнадцать, но внести в эту тему ясность с помощью прямого вопроса никто не решался. Потому что, если они действительно погибли, кто знает, какие шрамы души скрывались под футболкой с изображением накуренного Боба Марли. Сам же Мара о своих предках никогда не заикался. Зато было известно, что за полторы сотни километров от нашего города, в какой-то забытой богом деревне проживала его бабушка, которую он ездил иногда навестить.

С женской половиной человечества Мара общался охотно, но без страсти. Так, одно время он появлялся на людях в компании молоденькой смуглой татарочки, довольно симпатичной немногословной особы, большой любительницы гашишного аромата. Следующая пассия Мары, стройненькая брюнетка с точеным личиком и подслеповатыми глазками, – студентка, постигавшая премудрости органической химии в политехническом институте. Очевидцы утверждали, что список любовных историй Мары на цифре «два» не заканчивался. Но ни одна из женщин Мары на ПМЖ в его квартиру так и не перебралась. Возможно, девушек пугала перспектива до конца своих дней слушать монологи о сущном.

Настоящее имя Мары оставалось тайной, которая никого не интересовала. Когда вокруг тебя знакомые исчисляются десятками, а то и сотнями, имя и фамилия перестают иметь значение, потому что они не привязаны к человеку какой-либо чертой характера или стереотипом поведения. Проще говоря, имя и фамилия, данные человеку при рождении, не несут о нем никакой конкретной информации. Совсем другое дело с прозвищами-кличками-погонялами. Ими награждают посторонние, вкладывая в новое имя черту, для человека характерную. Мара ассоциировался с эйфорией, галлюциногенами, маревом, а потому оставался Марой, и никем другим. Точно так же, как Кислый был Кислым, потому что скисал после третьей рюмки или двух затяжек «травы». Или вот Белку прозвали так из-за ее рыжих волос – когда она собирала их в тугий пучок на затылке, он сильно смахивал на беличий хвост. Ну а с моим именем и так все понятно.

Мара был мне интересен еще и тем, что всегда рассказывал какие-то мудреные притчи и излагал замысловатые учения. Я и сам был не прочь почитать какую-нибудь заумь и поломать голову над вечными проблемами. Да, пожалуй, этот мой интерес граничил с жадной информацией и потребностью разобраться в законах взаимодействия живой и неживой материи, но Мара – он этим дышал. В постижении законов мироздания он обгонял меня на три корпуса – я твердо отдавал себе в этом отчет, поэтому всегда прислушивался к его наставлениям.

Когда человека уж слишком не устраивает окружающее, но при этом он ничего не делает, чтобы ситуацию изменить, такой человек в конце концов вываливается в депрессию, а потом, вполне возможно, и в суицид. Настоящего исследователя тоже не устраивает окружающее, только он полон энтузиазма эту проблему побороть. Такие люди полны энергии, и их глаза светятся непоколебимой верой. Мара был как раз из этой братии. Мне было интересно, к чему приведет Мару его философия, сможет ли он открыть в себе новые возможности, заглянуть в недостижимое, шагнуть в запретное, ну и все, что там философы-мистики пытаются открывать в себе и во Вселенной... а потому я испытывал удовольствие, общаясь с ним – с этим монахом ордена эзотерики, оседлавшим психотропного жеребца.

Psychetropos

То, что мне удалось улизнуть от Кислого, вполне походило на маленькое чудо. Тем не менее оно произошло.

Погода стояла пасмурная, но не промозглая. Мутное бледно-серое небо без туч. На западе над колышавшимися кронами деревьев белым размытым пятном обозначилось солнце. Пахло грибами и можжевельником. Лето, уставшее и ленивое, неторопливо собиралось в отпуск.

Мы сидели на берегу реки, жарили на слабых углях сосиски, наслаждались зрелищем ртутных отблесков на речной глади и отсутствием городского хаоса и неспешно разглагольствовали о вечном. То есть, по обыкновению, разглагольствовал Мара, я же просто ему внимал.

– Ты знаешь, что слово «психотропный» происходит от двух греческих слов?

Впервые об этом слышал.

– Иди ты! Я думал, от украинских. Но допустим.

– Так вот, парень. Эти два слова: *psyche* и *tropos* переводятся как «душа» и «поворот».

Тебе не кажется такой образ довольно... буквальным? Представь, что ты бежишь по тропинке в лесу. Ты смотришь прямо перед собой и вполне можешь не заметить те тропы, которые уходят в стороны. Где гарантия, что ты не пробежал свой поворот, а? Скажу тебе больше. При нашем темпе жизни мы вообще разучились обращать внимание на повороты – у нас не осталось ни сил, ни эмоций обращать на них внимание. Мы слишком увлеклись процессом бега, позабыв, что когда-то у этого марафона была цель. Да и черт бы с ним, если бы мы бежали в правильном направлении, да только вот уже не одно столетие человечество сломя голову несется совершенно в противоположную сторону. Жажда накопления информации, которая когда-то сдвинула нашу цивилизацию с мертвой точки, в настоящее время превратилась в паранойю! Накопление стало самоцелью. В результате в наших информационных полях целые... кордильеры бесполезных, ненужных (и даже вредных!) данных – горы информационного мусора. А ведь миллионы людей каждый день его потребляют! Неудивительно, что психическое здоровье человечества катастрофически слабеет.

Я вспомнил прочитанную в каком-то журнале статью, содержащую статистику потребления лекарств от психических расстройств и вложения денег в психиатрию различными государствами. Цифры были ужасающи, по ним получалось, что каждый четвертый житель планеты – клиент психиатрической лечебницы. Я подумал, что даже если данные преувеличены раз в десять, они все равно катастрофически высоки.

– Это точно, – согласился я. – Мы с тобой тоже психи. Причем ты куда больше псих, чем я.

– Один мой знакомый, – продолжил Мара, бессовестно проигнорировав мое такое важное замечание, – продал свой автомобиль и пользуется только общественным транспортом. На мой вопрос, зачем он это сделал, ответил, что однажды застрял на полтора часа в пробке. Он сказал, что чуть не сошел с ума от понимания, что не может просто выбраться из своей машины. Антидепрессанты он лопает горстями. Фобии, мании, нервные срывы – все это становится привычным спутником человеческой жизни. Наши города, особенно мегаполисы, эти концентраторы информации, – ты посмотри на них! Они все больше смахивают на психиатрические лечебницы. В такой ситуации нам просто необходим этот *psychetropos*, этот сворот души и излом сознания. Да, возможно, это будет походить на столб, с которым ты обнимешься со всего маху, но ведь это тебя и остановит, верно? Ты почешешь ушибленную башку, оглянешься по сторонам и, скорее всего, увидишь тропы, уходящие в стороны. Понимаешь, к чему я веду?

В лекции Мары меня насторожил переход от «мы» к «ты». То есть пока он говорил «мы», в смысле «человечество», это походило на вполне себе абстрактное разглагольствование, очередной виток философской мысли нашего уважаемого лектора. Но когда он сказал, что для меня психотропное нечто станет железобетонным стоп-финишем, как для несчастных автомобилей на краш-тестах, я почувствовал беспокойство.

– Ну-ка с этого момента поподробнее, – сказал я, внимательно следя за реакцией Мары. Я чувствовал, что он куда-то клонит, то есть ведет свою лекцию к конкретной цели, но полной уверенности у меня не было. – Твоя фраза: «Ты почешешь ушибленную башку» – кого ты конкретно имеешь в виду? Меня?

Мара улыбнулся, выдержал паузу и преспокойно повел свою лекцию дальше. Отвечать на мой вопрос он не собирался.

– Теренс Маккена – этноботаник и антрополог. Его книга «Пища богов» – очень интересная и оригинальная работа. Специально для такого случая я выписал один пассаж. – Он достал из нагрудного кармана свернутый вчетверо лист, развернул, принялся читать: – «Я утверждаю, что вызывающие мутации психоактивные химические соединения в пище древних людей воздействовали на быструю реорганизацию способности мозга к переработке информации. Растительные алкалоиды, особенно галлюциногенные соединения, такие, как псило-цибин, диметилтриптамин и гармалин, могли быть теми химическими факторами в диете первобытных людей, которые явились катализаторами возникновения человеческой саморефлексии. Действие галлюциногенов, присутствующих во многих распространенных растениях, увеличивало активность переработки информации, а значит, чувствительность к среде и таким образом способствовало внезапному увеличению размеров человеческого мозга. На более позднем этапе того же процесса галлюциногены действовали как катализаторы в развитии воображения, обеспечивая появление внутренней сновидки и способности предвидения, которые могли находиться в хорошей синергии с возникновением языка и религии». – Мара оторвался от листка, добавил: – Конец цитаты. В сущности, Маккена всего лишь развивает мысль, которую высказал Олдос Хаксли в своей книге «Двери восприятия», ну да не важно. Интересный отрывок, а?

– Да уж, оригинальнее не придумаешь, – прокомментировал я. – Твой Маккена не столько антрополог, сколько эзотерик. Его послушать, так получается, что наши предки закусывали сырое мясо белладонной или псилоцибиновыми грибочками, а в галлюциногенных видениях открывали колесо, обжиг глины и литье бронзы.

– В твоих словах больше правды, чем иронии, между прочим. В той же книге Маккена приводит примеры опытов, которые доказывают, что человек, употребивший в малых дозах психотропное вещество, более информирован об окружающем мире, чем человек с абсолютно «трезвым» сознанием. В данном контексте прилагательное «трезвый» выглядит насмешкой. В прошлый раз я говорил тебе, что дочеловечество сделало качественный скачок – целый прорыв, попытавшись хранить информацию вне себя. Но я не говорил, что этому способствовало. Что было катализатором? Что стало толчком развития сознания?

– Сейчас ты меня просветишь, – сделал я предположение.

– Наш древний предок, так же, как и мы, был всеяден, а это значит, что съедобность и прочие характеристики растения он изучал собственным желудком. И вот в один прекрасный момент дочеловек покушал психотропного растения. Возможно, псилоцибинсодержащих грибов. В организме человека псилоцибин теряет молекулу фосфора и превращается в псилоцин. У псилоцина три стадии воздействия на физиологию и сознание. Первый: в малых дозах он обостряет органы чувств – человек видит дальше и четче, обоняние и слух обостряются. Для нашего первобытного предка, который занимался охотой, это было громадным подспорьем в борьбе за выживание. Второй уровень воздействия: в средних дозах псилоцин становится афродизиактом – половым стимулятором, что конечно же влияет на увеличе-

ние потомства и как следствие выживание всего вида. И третий: в больших дозах псилоцин выводит сознание на уровень сакральных знаний. То есть приоткрывает дверь, за которым расположен эон вселенских данных. Расширяет канал, через который сознание подключено к информационному полю.

Я задумался. Конечно, сама по себе идея природных психоделиков как внешних катализаторов процесса зарождения сознания довольно рискованна, но при этом не лишена гармонии и тем более логики. В самом деле, никто же толком не знает, как именно происходила эволюция человека и что явилось толчком для развития мозга и, как следствие, появления сознания. Или сознание было первопричиной, а развитие мозга следствием?... Неизвестно. Так что почему бы за отправную точку не принять псилоцибиновые грибы или мексиканский кактус – короче, психотропные растения, которые свернули нашему предку башку настолько, что его интеллект совершил качественный скачок. Тем временем Мара продолжал:

– Так что открытие психотропных веществ как стимуляторов сознания для первобытного человека было куда важнее всех, вместе взятых, открытий, совершенных до этого. Об этом же говорит и анализ религий древности. Волхвы, шаманы, жрецы любого народа употребляли и употребляют до сих пор природные психоделики, чтобы войти в транс и увидеть больше, чем видно «трезвому» человеку. Чтобы приоткрыть дверь, в замочную скважину которой смотрит обычный люд.

Я вспомнил темно-зеленую стену, которую узрел под действием марихуаны пару недель назад, и дверь, сорванную с петель и валяющуюся под ногами. И мутное колышающееся Ничто за границей дверного проема. Мне стало как-то неуютно. Мара не затыкался:

– Взять хотя бы грибы семейства *Stropharia* рода *Psilocybe*, которые очень уважали ацтеки. Да и наш брат к ним весьма благоволит. Они содержат все тот же псилоцибин. Сейчас известно, что молекулы не только псилоцина, но и вообще всех психотропных веществ триптаминовой группы (ЛСД, ДМТ, ибогин, все те же псилоцибин и псилоцин) очень сильно смахивают на молекулу серотонина – основного нейротрансмитера и в своем действии либо блокируют его работу, либо имитируют ее...

– Нейротрансмитер, несомненно, красивое слово, – заметил я.

– Это химический агент, который передает сигналы нервных клеток друг другу и другим клеткам, – пояснил Мара. – Проще говоря, это транспортеры информации на клеточном уровне. Так вот, никто до сих пор не может толком объяснить, как и почему это происходит. Ведь сам серотонин психоделиком не является. Да и почему вообще серотонин влияет на химию мозга? Почему является обязательным агентом в процессе мышления и сознания? А может быть, он – ингибитор, тормозящий процесс получения сознанием вселенских данных?... Столько вопросов и так мало ответов. Я думаю, дела обстоят таким образом не потому, что ученые не разбираются в химии или биохимии, но потому, что они не понимают, что такое сознание. Вот ты как думаешь, что есть сознание?

– Набор функций по обработке информации. Такая себе DLL-библиотека для решения повседневных задач операционной системы под названием «Разум», – отстрелялся я, и глазом не моргнув.

Мара, взяв шампур с сосиской, одобрительно кивнул:

– Интересное сравнение. Я бы даже сказал, в лучших традициях киберпанка. Но неверное.

Я и не надеялся с первой же попытки удовлетворить уважаемого философа гениальным ответом.

Запах пропеченных сосисок добирался до нервных рецепторов в моем носу и переводился в код электрических сигналов, которые по нервным каналам-проводникам уносились к центральному головному процессору. Мозг обрабатывал их и отсылал желудку команды на выработку желудочного сока, а слюнным железам – директиву на выделение слюны. Я же

ощущал весь этот чудовищный процесс как позыв запихать сосиску в рот. Разум рисовал мне удовольствие от разжевывания горячего сочного тела, которое опять же будет раздражать вкусовые рецепторы языка – этого аванпоста удовольствия, затем разжеванная масса протолкнется в желудок и вступит в реакцию с жуткой смесью кислот, ферментируется до сметанообразного состояния и неторопливо проследует в лабиринт кишок. И все это в конечном счете осядет в сознании ощущением удовлетворения и насыщения... Господи, и зачем только знать об этом?

Я снял с мангала шампур с вожделенным кушаньем, поднес ко рту, глубоко вдохнул аромат, сказал:

– Я понял. Сознание – это механизм обработки данных, вернее, приведения его до упрощенных образов. А это значит, что он отсеивает служебную информацию – ту, которая не является важной для человека, хотя и содержит полную информацию о низкоуровневых процессах работы самого разума. Ну, типа, чтобы системные логи не калечили мозг рядовому пользователю.

Я откусил от сосиски кусочек. Мои вкусовые рецепторы получили маленький оргазм. Я зажмурился от удовольствия и целое мгновение пребывал в ощущении, что мне не обязательно анализировать поведение нервной системы, дабы понять, почему именно это происходит. Потом я взял себя в руки, открыл глаза и посмотрел на Мару. Тот задумчиво жевал сосиску, рассеянно глядя на реку, и ни один мускул на его лице не выказывал наслаждения или разочарования. Наверное, вкусовые рецепторы Мары были связаны с желудком, минуя центральную нервную систему.

Дожевав сосиску, Мара вернул внимание на меня, заметил:

– В твоих словах присутствует логика. Но ты мыслишь так, словно сознание всего лишь посредник между тобой и миром. То есть в твоём понимании сознание – это механизм транспорта и фильтрации данных, чтобы человек не утруждал себя грузом бесполезной для него информации. Но где же при этом ты? Что при этом ты?

Я проглотил последний кусочек и окинул удовлетворенным взором мир.

«Возможно, я – белое размазанное над горизонтом солнце?...» – подумалось мне, но вслух я этого не произнес. Я решил, что в данном случае некомпетентность следует держать при себе.

– Пойми, – настаивал Мара, – твоё сознание – это ты и есть! То, что определяет тебя как человека, как индивида, как существо, определяющее самое себя, твоё «я», – это и есть твоё сознание. Да, у него куча своих внутренних функций и механизмов обработки информации, с этим я согласен, но оно гораздо больше, чем просто эти функции. Оно – сила, которая сгущает материю в индивидуальность по имени Гвоздь и позволяет тебе именно так себя идентифицировать. Оно – твоё *psyche*, душа.

В словах Мары я услышал почти религиозный трепет. Я даже перевел на него взгляд – удостовериться, насколько серьезно он говорит. Его глаза, словно направленные передающие антенны, излучали веру и непоколебимость убеждений.

Я вернулся к созерцанию пасмурного пейзажа. Небо по-прежнему вяло стекало белесыми пятнами по мутным обоям коллоидного пространства. Вода в реке медленно наливалась свинцовой тяжестью и таким же цветом. Едва ощутимые порывы ветра все больше доносили сырость и прохладу. Я подумал, что информационный эон мироздания недвусмысленно намекает на завершение дня.

Мне нечего было ответить Маре, а спорить ради спора не в моем стиле. Я промолчал.

Мара тоже какое-то время не перебивал приглушенное бормотание природы, потом не выдержал, вернулся к своему монологу:

– В этом свете понятие «расширение сознания» нужно трактовать как расширение своего собственного «я». А на это далеко не все способны. Потому что когда разрастается твоё

эго, вместе с ним разрастается все, что прикипело к человеку за все время существования цивилизации. Я говорю про мораль, грехи, опыт – короче, структуры, которыми человек окружает себя с самого детства. Чтобы решиться на шаг в запредельное... на шаг от человека до сверхчеловека, нужно либо не иметь этого мусора за плечами (что невозможно в принципе), либо верить в собственные силы, которые помогут справиться с этими демонами. Причем еще не факт, что вера в свои силы соответствует реальной мощи этих сил. То есть я хочу сказать, что в отношении этих сил лучше не заблуждаться. Потому что иначе... тебя ждет шизофрения... в лучшем случае.

Слова Мары были похожи на свинцовую воду реки, они так же несли какую-то безысходность и тяжесть. К тому же он снова пожелал втиснуть меня, словно пазл, в мозаику своих эзотерических исследований. Я сказал:

– Мара. Я как-то не могу уловить подоплеку твоих лекций. Ты собираешься лепить сверхчеловека?

Он заглянул мне в глаза, сказал с улыбкой:

– Psychotropos – сворот сознания. Я использую этот термин для обозначения как самого процесса, так и агента, с помощью которого этот процесс возможен. Психотропным веществам придумали массу названий, но в каждое такое название исследователь вкладывал тот смысл, который хотел в конце концов обнаружить в объекте исследования. Так появился термин «галлюциноген» как препарат, вызывающий галлюцинации; так появилось понятие «энетоген» как проводник, приближающий к божественному. Я уже не говорю про такие узкие определения, как мистикомиметик, психодислептик, фантастикант и еще с десятков подобных. Даже термин «психоделик», который можно расшифровать как «проявляющий разум», не совсем верное определение, на мой взгляд. Все они призваны описать внутреннее переживания исследователя, но среди них нет ни одного, который бы указывал на способ, на технологию поворота эволюции человечества. Поэтому эти термины я практически не использую. А вот psychotropos, сворот сознания, сворот твоего собственного «я» – как раз то, что нужно. Это верное определение агента, который станет катализатором процесса рождения homo extranaturalis.

Я же подумал, что это важный момент в понимании того, что Мара не считает нужным отвечать на мои вопросы. И еще я подумал, что Мара знает, что делает: оставляя без ответа то, что мне хотелось бы знать в первую очередь, он подогревает во мне интерес ко всей своей философии в целом. А из этого следует, что самое главное мне только предстоит узнать. Как и то, почему это главное предстоит узнать именно мне.

Атараксия

Когда мне исполнилось четырнадцать, наша семья перебралась в город. Отец устроился на новую работу и получил от предприятия служебную квартиру, что было невероятным везением, учитывая экономическое состояние страны вообще и бедственное положение отдельных предприятий в частности. Тем не менее это произошло. Новая квартира не походила на царские хоромы, да и располагалась на окраине города, но по сравнению с нашей бывшей коммуналкой в забытом богом поселке выглядела эталоном роскоши. Все это произошло весной, шел учебный год, так что я незамедлительно отправился в новую школу.

Дарья Семеновна – мой новый классный руководитель, женщина лет сорока, с твердым холодным взглядом поверх узеньких очков и с поджатыми губками (верхнюю покрывал беле- сый пушок). От нее исходил стойкий запах старых книг, чем-то напоминающий нафталин... Она коротко представила меня классу: «Знакомьтесь, это ваш новый товарищ», – и начала урок русского языка. Свободных мест было три. Первое – в центральном ряду на предпоследней парте. Там сидел, откинувшись на спинку сиденья, парень и равнодушно смотрел, как я иду к нему.

– Свободно? – спросил я его, приблизившись.

Вместо ответа он забросил на пустующее место ногу и выразительно так на меня уставился. В левом ухе у парня была сережка, одет он был в джинсовый костюм (довольно прилич- ный), обут в белые кроссовки Nike. Не то что мои трикотажные брюки и джемпер оте- чественного производства! Понятное дело, куда челяди с барином тягаться!

– Хорошие кроссовки, – сказал я ему, улыбнулся и направился к другому свободному месту.

Я сел за одной партой с худенькой девочкой. У нее было бледное лицо и веснушки на вздернутом носике. Звали мою новую знакомую Наталья, то есть Наташка. От нее пахло кошками. Я тихонько спросил, как зовут ее кота, получил в ответ улыбку и информацию о том, что котов у них целых четыре и всех назвали в честь римских императоров. Мы об- менялись рукопожатиями (у нее была узкая, костлявая и холодная ладонь) и приступили к изу- чению русского языка – этого громаднейшего наследия homo informativus.

Как только звонок возвестил перемену и Дарья Семеновна покинула классное поме- щение, парень с серьгой в ухе и в белых кроссовках оглянулся на меня и, презрительно сме- рив с головы до ног, продекламировал:

– Это надо ж было так вырядиться! Клоун клоуном!

«Ну вот, теперь мы знаем Самого Центрального Парня класса!» – подумал я.

Молодежь притихла, несколько ребят с готовностью изобразили на лице ухмылку, некоторые загыгыкали. Будь у меня время подготовиться, возможно, я бы нашелся, что отве- тить получше. Но времени мне не дали, и я ляпнул первое, что пришло в голову:

– А я и не знал, что здесь школа модельеров. Думал, обычная. Ты, смотрю, в уроках кройки и шитья преуспел – неплохой самострок. На фирму похоже.

В классе стало совершенно тихо. На меня тарацились все. Они смотрели и думали, что я не понимаю сути происходящего. Наташка даже легонько дернула меня за рукав – такой беспомощный жест, словно хотела сказать: ты что, не надо так! Но я все прекрасно понимал и все отчетливо видел. Я спокойно смотрел в сверкающие злостью глаза и улыбался. Я знал, что конфликт назревает и избежать его не получится, а потому сознательно шел на обостре- ние. Хотя, конечно, и не лучшим для меня способом.

– Ты это... После уроков домой не торопись, – ухмыльнулся Самый Центральной Парень класса, закинул за плечи рюкзак и с важностью церемониймейстера прошествовал к выходу, демонстрируя окружающим свой подбородок. За ним потянулись еще двое.

– Побьют тебя, – грустно заключила соседка по парте.

– Выше голову, Наташа! Все будет хорошо! – заверил я одноклассницу достаточно громко, чтобы окружающие слышали нотки озорства и сумасшествия в моем голосе.

Я закинул за плечо сумку и, во весь голос распевая «Последний бой – он трудный самый!», покинул притихших одноклассников.

По окончании уроков в парке за школьным двором меня поджидали три моих новых товарища по учебе. Я увидел их сразу, как только вышел за ограду школьного двора, а потому напрямик направился в их сторону. Парень в кроссовках Nike и серьгой в ухе стоял посредине.

– Как поживаете, парни? – задал я риторический вопрос, сопровождая слова лучезарной улыбкой. – Собрались на кружок кройки и шитья?

Мое спокойствие вгоняло их в недоумение. Оно и понятно, ведь спокойствие – отличная маскировка, за ней совершенно не видно, какие козыри на руках у противника. Но главного хулигана не так-то просто было смутить. Он демонстративно сплюнул, процедил:

– А ты чё такой борзый, а? Может, тебе урок вежливости устроить? Так это легко...

– Одну минутку, уважаемые, – сказал я и вытянул руку ладонью вперед. Одноклассники, уже было сделавшие шаг в моем направлении, замерли. – Прежде чем вы начнете... преподавать, я хочу кое-что прояснить. Во-первых: мне совершенно плевать на ваше главенство в классе или где-то там еще. Я на него не претендую. Во-вторых: я никогда не ввязываюсь первым в неприятности, но если они все же случаются, решаю их довольно жестко. И в-третьих: ситуация, которая сейчас происходит между нами, несправедлива по отношению ко мне, потому что я ее не затеял. Поэтому, если мы сейчас не разойдемся мирно, то, разумеется, мне достанется. Но! Я вам обещаю, что потом вы об этом будете сильно сожалеть и всячески корить себя за глупость.

Этот манифест и, главное, невозмутимость тона подействовали на них как ингибитор – забияки впали в замешательство на несколько долгих секунд, но предводитель быстро взял себя в руки, с преувеличенной бравадой выкрикнул: «Да чё он гонит!..» – и бросился в атаку. Псы последовали примеру своего хозяина.

Я не очень-то отбивался, в основном старался уйти от ударов и закрывал голову, пах и почки. К тому времени опыта уличных драк у меня было не так уж и много, поскольку я, как ни крути, человек довольно мирный и коммуникабельный. Там, где я рос, меня вообще никто никогда не трогал. Разве что пару раз случалось поцапаться с парнями из соседнего поселка, то есть с чужими. Но как раз в данном случае я и был чужой. В общем, выиграть этот поединок я и не рассчитывал. Моей главной задачей было уцелеть с наименьшим ущербом, на ней я и сконцентрировался. В конце концов меня повалили на землю и принялись пинать ногами. К этому моменту мои потери насчитывали разбитую бровь, губу и нос, не считая кучи синяков и ссадин на теле. Конечно, я испытывал боль, но страха не было и в помине. К своим четырнадцати годам я вообще начал забывать, что это такое – страх.

Катали меня по земле минут десять, то есть довольно долго, но не очень качественно, потом гвардейцы уличных поединков умаялись.

– Хорош, – тяжело дыша, сказал старший и сделал шаг назад. Остальные последовали его примеру.

– Ну, и кто из нас пожалел? – пролаял один из псов.

Поняв, что экзекуция окончена, я поднялся, сфокусировав внимание на том, чтобы стоны и охи не просочились наружу, медленно подобрал свою сумку, сказал:

– Ну что ж, господа, если вы закончили, то я, пожалуй, пойду.

Их лица выразили озадаченность. Я отвернулся и неспешно побрел по аллее в глубь парка. Трава уже густо зеленела, на березах распускались первые почки, солнце слепило и

насыщало воздух теплом. Майские жуки деловито гудели в кустарнике, и пахло сиренью. В целом было хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.